

Юродивый

Михаил Ера

Михаил Ера Юродивый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69131896

SelfPub; 2023

Аннотация

В рассказе поднимаются вопросы свободы творчества, смысл работы мастера и ответственности творца. Работу любого мастера всегда оплачивает заказчик. Но кто он и чего добивается? Это не всегда очевидно. Не платит же заказчик бесцельно. Он что-то хочет получить от своих инвестиций. Но что? Рассказ предоставляет возможность читателю приоткрыть некоторые не очевидные причины заказов на написание романов, задуматься по этому поводу. На это стоит уделить несколько минут.

Михаил Ера Юродивый

1

Это был облицованный серым мрамором особняк на самой окраине Парк Роуд – с портиком и колоннадой, увенчанной треугольным фронтоном, с фонтаном в центре уютного дворика, от которого лучами расходились мощные брусчаткой дорожки. Дом утопал в зелени, а внушительного размера прилегающий участок был обнесен кованым забором. От этого места веяло строгостью классицизма и выдержанным, как хорошее вино, благородством.

Невольню вспомнил я недавний сон: лимонный сад, красивый дом, и с высоты колонн у входа вниз смотрел великолепный фриз, тропинки все вели к фонтану грез, но кто-то страх сюда принес.

Я подошел ближе, и в глаза бросились признаки упадка. Калитка отворилась со скрипом и с заметным усилием со стороны пожилого лакея. Мощные дорожки облюбовали вездесущие одуванчики, нашедшие в щелях между брусчаткой достаточно для пропитания почвы и влаги. А чем дальше расплзались от дома дорожки, тем больше на них оказыва-

лось непрошенных зеленых постояльцев. Фонтан, похоже, не чистили и не включали целую вечность. Мраморную отделку фасада местами вспучило, и таких пузырей вполне хватало, чтобы сокрушить первое благоприятное впечатление. Роскошь на поверку оказалась с гнильцой, с налетом плесени.

В холле я дожидался недолго. Скоро с верхних этажей по лестнице ко мне спустился высокий мужчина средних лет. Осанка и манеры выдавали в нем человека состоятельного и властного. Ни вязаный домашний кардиган, ни мягкие волны вельвета его брюк не могли компенсировать ту силу и энергию, которыми, как казалось, этот джентльмен наполнен до краев. Коротким жестом он приказал лакею удалиться. Тот приклонил голову и тотчас покинул холл.

– Добрый день, мистер Боков! – поприветствовал он меня. – Я доктор Теодор фон Альтшлянг. В настоящее время я исполняю роль душеприказчика мистера Афанасьева, и временно распоряжаюсь в этом доме.

И имя, и акцент выдавали в нем немца. Учитывая это обстоятельство, странное выражение – «исполняю роль», я счел приемлемым.

– Это я распорядился пригласить вас, мистер Боков, – сообщил Альтшлянг, внимательно осмотрев меня с ног до головы, будто я верховая лошадь, которую он покупает. Мне

это ужасно не понравилось.

– Вы принимаете опий, мистер Боков? – внезапно спросил Альтшлянг. Выглядело это так, будто речь шла о дешевом виски, запах которого можно учуять за несколько ярдов.

– Исключительно в лечебных целях, – ответил я невозмутимо, не находя в приеме наркотика в качестве болеутоляющего ничего предосудительного. – У меня случаются приступы мигрени. Доктор Фелучи прописал мне прогулки, кровопускание и опий. Из всего перечисленного помогает лишь опий, но я ограничиваю себя. Надеюсь, работе это не помешает?

– Помешает, – сказал Альтшлянг. – Это у вас с собой? Давайте-ка, доставайте свои запасы.

Я вынул из кармана остатки опиума.

– Бэрри! – выкрикнул Альтшлянг. В комнату немедленно вошел все тот же пожилой сухопарый лакей.

– Я уже здесь, сир! – преклонив голову, отрапортовал он.

– Очень хорошо, – сказал Альтшлянг. – Возьмите у мистера Бокова вот этот флакон, – он указал пальцем на мою руку, – и выплеснете содержимое в ведро с отходами! Когда управитесь с уничтожением наркотика, принесите нам крепкого чаю и захватите пинту ивового настоя для мистера Бокова. Мы будем в моем кабинете. И да, Бэрри, позже обязательно поделитесь секретом приготовления настоя с нашим гостем: он нам нужен здоровым, энергичным и рассудительным.

Бэрри протянул руку. Я отдал ему опий, понимая, что расходы мне будут компенсированы с лихвой, а без болеутоляющего меня, по-видимому, не оставят.

2

В просторном кабинете Альтшлянга слегка попахивало ладаном. Однако, несмотря на запах, больше свойственный часовням, там обитал и дух какого-то особенного домашнего уюта. Я так до конца и не разобрался, что именно повлияло на меня, что расположило к расслабленности и благодущию. Вряд ли это были отклики принятого накануне опия. Скорее, кто-то с великолепным чувством меры поработал над эстетикой этого пространства. Сочетание изысканности, шарма и легкой небрежности вызывало восторг.

– Вам нравится? – заметив мое восхищение, спросил Альтшлянг.

Он мог бы и не спрашивать, потому я позволил себе не отвечать: очевидность не требует слов.

– У Аглаи великолепное чувство пространства и особенный, неподражаемый вкус, – сказал он. – Ах, да! Вы же еще не в курсе! Я пригласил сюда одну необыкновенную женщину. Знаете, иногда мне очень жаль, – произнес он с досадой, – что нас связывает кровь. Она давно мечтала посетить Альбион, а мне как раз оказались нужны надежные помощники. Я позже познакомлю вас. Присаживайтесь, – он указал на

одно из кресел-близнецов, обступивших резной журнальный столик из цейлонского эбенового дерева.

Я и сам почувствовал неловкость, с которой усаживался в старинное кожаное кресло, а Альтшлянга это явно повеселило. Казалось, ему нравится наблюдать за людьми смущенными крайне непривычной для себя обстановкой.

Наконец, усевшись и освоившись, я вдруг осознал, что пауза, которой не следовало бы быть при обсуждении дела, ради которого я явился в этот дом, странным образом затянулась. Альтшлянг молчал и пристально изучал меня: смотрел безо всяких эмоций, безо всякого желания прояснить суть предстоящей сделки.

К этому времени, взвесив все возможные варианты, я почти утвердился во мнении, что, вероятнее всего, я понадобился в качестве консультанта, как бывший боевой офицер армии генерала барона Врангеля.

– Вы не могли бы, – неуверенно начал я, – рассказать мне о деталях...

– Вы о написании книги? Да не волнуйтесь вы так, – прервал меня Альтшлянг. – Нет ничего проще, чем записать с диктовки готовый роман. Плюс мелочи – небольшая коррекция, редакторские правки, чтобы можно было сдать в печать, не ударив в грязь лицом. Так что никаких проблем возникнуть не должно. Впрочем, вам и вовсе незачем об этом беспокоиться, ваше имя даже упомянуто не будет. Сделаете простую работу, получите гонорар, и все.

Единственное, что я понял – это то, что он меня успокаивал: пытался, во всяком случае. И больше ничего. Не ясным оставалось главное – если изобразительная сила моего сомнительного таланта не востребована, что само по себе вселяло надежду на благополучный исход предприятия, то почему на этот диктант пригласили именно меня? Неужели трудно отыскать русскую стенографистку? Она сделала бы работу с недосыгаемой для меня скоростью.

В принципе, с творческой и технологической сторонами я готов был примириться и вопросов по ним не задавать. В конце концов, кто платит, тот и музыку заказывает. А роман – это всего лишь игра воображения, полет фантазии чужого для меня человека. Честна ли сочиненная им история? Это не ко мне, а к тому советскому писателю, который готовится отбыть в мир иной. Там с него и спросят. Но ради чего я должен участвовать в этом? Какова цена вопроса? Этого пока никто не обозначил.

Я уже собрался озвучить свои размышления, как в кабинет вошел Бэрри.

– Ваш чай, сир, – провозгласил он так, будто речь не о напитке, а о личном прибытии короля.

В руках у лакея ничего не было. Значит, кто-то другой скрывался за дверью, ожидая разрешения войти.

– И где же он? – удивленно спросил Альтшлянг.

В этот момент мне показалось, что правый его глаз, прежде зеленый с золотым отливом, вдруг стал карим. Впрочем, это могла быть игра света и тени.

Едва отзвучал вопрос, дверь распахнулась, в кабинет вкатился сервировочный столик со всем, что может потребоваться для приятного чаепития. Вслед за столиком вошла роскошная брюнетка, облаченная в черную пачку-шопенку.

– Аглая! Вот так сюрприз! – смеясь и хлопая в ладоши, воскликнул Альтшлянг. – Вы бесподобны!

Похоже, женщину это раззадорило. Она улыбнулась, в глазах сверкнула шальная искорка. Чуть отстранившись и сделав балетный арабеск, она вдруг закрутила фуэте. За ним последовал глубокий реверанс, а после, вдруг, она умчалась прочь, не проронив и слова.

– Ну, как дитя! – смеясь и продолжая хлопать, воскликнул немец. – Вот, – обратился он ко мне, – вот какая она – Аглая! Энергия льется через край! А вы говорите... Кстати, почему вы ничего не говорите? – он коротко взглянул на меня. – А-а! Понимаю.

Только теперь до меня дошло, что сидел я, раскрывши рот. Все произошло настолько неожиданно, что я растерялся. И ситуация, и само зрелище совершенно шокировали меня своей необычностью. Я был просто ошеломлен. Мало того, что Аглая оказалась весьма недурна собой, но и эти балетные штучки она выделявала с исключительной легкостью.

– Ох уж это женское любопытство, – посетовал вдруг

Альтшлянг, – и эта страсть к эпатажу. И как теперь вести деловую беседу? В то же время это было забавно, согласитесь. Аглая танцует с раннего детства. Вы же знаете, русский балет – это нечто неопишваемое, волшебное! Она родилась в Санкт-Петербурге, училась в балетном классе. После долгое время, и уже при советской власти, жила в Москве... Впрочем, она сама расскажет, если захочет. Да, не удивляйтесь, она тоже ваша соотечественница.

Альтшлянг жестом отпустил Бэрри – этого человека без эмоций. За все время ни один мускул не дрогнул на лице лакея. Он так и простоял бесчувственным изваянием у двери. Казалось, всю сознательную жизнь, облачаясь в мундир и приступая к службе, все личное он аккуратно раскладывал по карманам своего партикулярного платья и оставлял в раздевалке. С того момента и до отведенного распорядком часа, он реагирует только на приказы.

Когда дверь за лакеем захлопнулась, Альтшлянг, наконец, обозначил сумму, на которую я мог рассчитывать по окончании написания книги. Произошло это не менее внезапно, чем явление балерины. А шокировало даже больше. От подобных предложений не отказываются. Мы подписали контракт. К работе я обязался приступить этой же ночью.

Работа, действительно, оказалась несложной. Однако сказать, что мне предстояло писать банальный диктант – было бы неправильно. Как выяснилось, Афанасьев обретался в Москве, потому мой физический контакт с ним был невозможен.

Еще находясь в кабинете, с помощью техники особого рода гипноза, немец несколько раз вводил меня в состояние прострации. Погруженный в полудрему я ощущал лишь знакомую всякому страдающему мигренью, давно ставшую привычной стальную спицу, пронизавшую правую часть черепа от затылка до самой глазницы. Только в этот раз она не пугала меня. Не заставляла судорожно искать флакон с опиумом. Она не причиняла мне боли, а лишь мешала сосредоточиться, сфокусировать зрение и внимание на окружающей реальности. Затем почти полностью исчезало ощущение пространства, времени, самого себя. Лишь краткое мгновение спустя лист писчей бумаги передо мной, прежде чистый, как первый снег, оказался исписан моей собственной рукой. Я понятия не имел – что, когда и зачем писал на этом листе. Оказывается, делал я это, как машина – совершенно бессознательно в течение аж четверти часа.

Как, каким образом происходило это чудо – для меня осталось загадкой. Со слов Альтшлянга, техника автомати-

ческого письма известна с незапамятных времен. Почему ее не используют, как телеграф хотя бы в армии – непонятно. Альтшляннг пытался что-то объяснять, но вышло у него столь сумбурно и заумно, что я так ничего и не понял. Впрочем, не исключаю, что немец сознательно водил меня за нос.

4

Во втором этаже мне отвели кабинет и гостевую комнату. Оба помещения выше всяких похвал. Конечно, не то, что у Альтшляннга, но в сравнении с моей лачугой – просто хоромы.

В состояние прострации я вводил себя самостоятельно. Это оказалось не труднее, чем зажечь свечу. Достаточно раскрутить диск, раскрашенный особым образом, взглядеться в его вращение и... Петухи уже поют, тетрадные листы убористо исписаны, пальцы ломит, мозоли набиваются. Можно прочесть результат, и идти спать.

Писанина советской знаменитости мне совершенно не понравилась. Мне бы не хватило наглости отнести этот бред к ироничной реалистической прозе. Уж не знаю, кем себя возомнил и за кого держит читателя товарищ Афанасьев, но всерьез утверждать, что каждое полнолуние его главный герой спускается в ад, дабы там приятно провести время;

с этим, пожалуй, лучше бы к психиатру обратиться. Впрочем, я не мог совсем отстраниться от популярных рассказов о том, что в советской России, чтобы попасть в ад, достаточно просто сойти на мостовую. Хотя особого доверия к подобным спекуляциям напуганных лозунгами о мировой революцией господ, разумеется, не испытывал.

Я находился в своей комнате, когда в дверь лаконично постучали. Спустя несколько секунд она отворилась, вошел Бэрри.

– Я принес рецепт ивового настоя, сэр, – сказал он, протягивая мне лист писчей бумаги.

Лакей застал меня стоящим у окна. Контракт запрещал мне покидать дом до окончания написания книги, потому единственным утешением для меня оставалось – постоять у распахнутого окна, вдыхая ароматы уходящего лета.

Я принял лист, не глядя, бросил его на стол. Вспомнил вдруг первые минуты в этом доме, пронизывающий взгляд Альтшлянга.

– Спасибо, Бэрри, – сказал я. – Могу ли я задать вам один вопрос?

– Спрашивайте все, что вам угодно, сэр, – сходу ответил Бэрри.

– Скажите, а доктор Альтшлянг... Он действительно может вот так запросто определить – употребляет человек опий или нет?

– Думаю, – ответил Бэрри, – только в самых очевидных случаях.

– А мой случай – тогда, в холле – был настолько очевидным? – поинтересовался я.

– Нет, сэр. Сир задал вам вопрос, вы сами ответили на него, – сказал Бэрри.

– Логично, – согласился я. – Он блефовал, а я купился. Однако мне показалось, вы были абсолютно уверены...

Впервые я видел проявление эмоций на лице этого человека. Он испугался. Я не стал продолжать начатую фразу, не стал допытываться: очевидность не требует слов.

– Это лишь мое предположение, сэр, – ответил Бэрри. – Я могу идти?

– Да, конечно.

Бэрри ушел. Глядя ему вслед, я думал о том, что едва ли не все пожилые люди жалуются на боль – кто в ногах, кто в пояснице. А Бэрри держится молодцом. Просто не жалуется? Было бы заметно по осанке, по выражению лица, по глазам. Не имеет болячек? Это вряд ли. В его-то возрасте! Не чувствует боли потому, что употребляет опий? Не осталось сомнений, что личный опыт – это и есть источник знания предмета, а заодно и разгадка тайны олимпийского спокойствия лакея.

Мучил меня и еще один вопрос – как мне обратиться к Аглае, если мы, наконец, пересечемся в этом огромном доме?

Рано или поздно это должно было произойти. Я знал только ее имя. Просто мисс Аглая? Или миссис? Назвать же по-русски просто по имени – этого я себе позволить не мог.

После сцены с балетом в кабинете Альтшлянга я больше ни разу, даже краем глаза не видел ее ни в доме, ни на аллеях парка, ни во дворе. А ведь одной из причин моего стояния у окна было желание еще раз взглянуть на нее. К обеденному столу она не являлась. Лишь в бесконечных коридорах дома витал запах ее духов, но сама она оставалась невидимой.

Вероятно, она стыдилась за свой эпатажный поступок и всячески старалась избегать встречи со мной. Впрочем, думать так – это значит беспричинно льстить самой себе. Кто я такой, чтобы вообще обращать на меня внимание? Русский офицер, бедствующий, чахнувший и духом, и телом на сыром, как половая тряпка Альбионе? Писарь, приглашенный перенести на бумагу бредни безумца из страны Советов? Кто? Никто!

Конечно, я мог бы справиться о ней у прислуги или даже у самого сира, как величает его Бэрри, но зачем? Если эта весть каким-то образом долетит до ее слуха, что она подумает? Разве я ей пара? Я беден, как церковная крыса! Даже, если я сполна получу за эту ущербную писанину, то все равно останусь слишком беден для нее. Что я могу ей дать? Ничего.

– Здравствуйте, мастер! – едва выйдя из душевой, услышал я женский голос.

Это была русская речь. Я оглянулся. Передо мной стояла она. Будто королева! В шляпке с вуалью, в шикарном черном платье, с сумочкой из крокодиловой кожи на тонкой изящной руке.

Я не знал, куда мне деться от стыда. Первая встреча, а я в тапках, в исподней рубаше, в подтяжках, с полотенцем наперевес. Благо, что хоть лицо успел привести в порядок.

– Здравствуйте, Аглая... – я сделал нарочитую паузу, давая понять, что не знаю ее отчества.

– Николаевна, – сообщила она, приветливо улыбнувшись. – Я ведь тоже не знаю вашего отчества. Обратиться к вам по-английски я не могу: плохо владею этим языком. По-французски? Не уверена, что вы владеете им. А по-русски без отчества...

– Алексеевич, – сказал я. – Боков, Иван Алексеевич. Почему вы назвали меня мастером, Аглая Николаевна? – спросил я, смакуя, пробуя на вкус ее настоящее русское имя.

– Вы же мастер, – просто ответила она. – Вы выполняете заказ. Значит, вы мастер.

– Да, пожалуй, – согласился я. – Хотя, слово чести, я плохо представляю, мастером чего именно являюсь. Вы, должно

быть, знаете, чем я тут занимаюсь?

– Каждое утро, едва только встает солнце, прислуга приносит мне тетрадь, в которой вы писали этой ночью. Я сажусь за машинку и старательно все перепечатаваю. В пяти экземплярах, между прочим! – сказала она, смеясь.

Я хотел спросить, не становится ли ей дурно от той пошлости, что бьет фонтаном с каждой страницы этой дрянной писанины. Вместо этого посочувствовал:

– У вас много работы, Аглая Николаевна. Мне жаль ваших пальцев. Этот текст не стоит той боли, что доставляют вам жестокие клавиши.

Она мельком взглянула на свои руки, укрытые от посторонних глаз легкой тканью перчаток.

– Давайте отложим наш разговор на вечер, мастер, – глядя мне прямо в глаза, сказала она. – Сейчас мне нужно спешить к портному. Прошу меня извинить. До встречи!

6

И на землю опустился вечер. Незабываемый, волшебный вечер, который мы провели в ее комнате вдвоем. И были другие вечера. Я рассказал ей о себе – о судьбе молодого корнета, вынужденно покинувшего отечество. О родителях, которые погибли в Твери при невыясненных обстоятельствах. О последнем бое. Рассказал о том, как грузились на корабли и уходили за кордон, в Турцию. О том, как больше года дожи-

дались там неведомо чего, а после о приезде на Альбион. О жизни, которую и жизнью-то назвать можно лишь с большой натяжкой.

Она неизменно называла меня мастером, будто у меня вообще нет имени. Говорила о том, что я наверняка нашел бы себя в той новой незнакомой мне России. Устроился бы, как многие из «бывших». Кто-то давно уж в генералах ходит. Но, правда и то, что кто-то в землю зарыт, и истлеть успели их тела. Потому теперь мне рисковать не нужно. Раз уж уехал, то возврата нет.

Я сказал, что желал бы хоть одним глазком взглянуть – как там на самом деле. Не может же быть, что вся та дикость, весь тот крошечный ад, который Афанасьев выдает за чистую монету, совпадает с реальностью. Я объяснял, что хорошо знаю этих людей, что воевал против них, поэтому и не верю в эту мистификацию, в это оболванивание.

Она ответила, что это роман-фельетон, что автор сознательно сгущает краски, что это лишь литературный прием, что у книги не очевидные цели и множество вариантов прочтения, и все это признак чрезвычайно мощного таланта. Сказала, что подумает, как можно устроить для меня небольшую экскурсию в Россию.

Однажды, когда роман уже близился к развязке, Аглая вы-
бралась из-под одеяла. Она прошла по комнате, зевнула и
потянулась. В сумерках ее нагота манила новыми тайнами.
Она вдруг уселась на черенок половой щетки, как валькирия.

– Я ведьма! – сказала Аглая, хохоча.

– Ты бестия! – согласился я и тоже засмеялся.

– Я ведьма, – уже тихо и настойчиво повторила Аглая.

Она отставила щетку в сторону и подала мне флакончик
с какой-то жидкостью.

– Это морфин и кое-что еще, – сказала она. – Морфин я
стащила у нашего Бэрри. У него в подсобке целый склад, он
и не заметит пропажи. Прими, и не пугайся, когда начнется
нечто неожиданное. Я обещала тебе. Этой ночью ты отпра-
вишься Москву!

Неожиданное началось сразу. Вместо прострации на меня
обрушился ураган. Мир передо мной закружился, завертел-
ся, перевернулся вверх тормашками, а после взвился што-
пором куда-то в небеса. Наступила невесомость, а после се-
кундного затишья меня бросило вниз. Я падал с невероятной
скоростью и неизбежно разбился бы, ударившись о крышу
дома, возникшего на моем пути. Но падал я вне тела. Мель-
кали этажи – свет, тьма, комоды, кухни, кошки, стулья, лю-
ди...

Вдруг остановка. В тусклом свете ночника, я различил

кровать, на ней худого изможденного болезнью мужчину. Я догадался – это Афанасьев.

– Кто здесь? – раздался его хриплый слабый голос.

Я молчал.

– Снова вы, князь? – спросил Афанасьев, не прерывая попыток осмотреть всю комнату. – Нет, другой.

Он умолк ненадолго. Казалось, успокоился, забылся в дреме.

– Я вас узнал, – вновь заговорил Афанасьев. Смотрел он прямо на меня, как будто видел. – Вы тот бездомный бродяга, что ежедневно и методично роется в мусорном баке моей памяти. Не думал, что вам достанет смелости явить себя лично. Пришли взглянуть на умирающего мастера? Ну, что же, посмотрите. Хотите спросить – зачем я это писал? Я писал совершенно иное, нежели то, что прочли те немногие, кому я давал рукопись. Увы, я не нашел способа завершить роман таким образом, чтобы сделать его понятным обывателю и не погубить самого себя. Потому я сжег его. Это вранье, что рукописи не горят. Они полыхают, обжигая и пальцы, и душу! И никто, кроме автора, не в силах их вернуть! Даже князь!

Он снова умолк. Я уже собрался тихонько, как бы на цыпочках, уйти. Мне была неприятна эта встреча, я не рассчитывал на нее. Мечтал лишь погулять по Арбату, посидеть на скамейке на Патриарших прудах, взглянуть на Кремль, на рубиновые звезды, по слухам, водруженные на пять его шпи-

лей.

– Да, я всего лишь мастер! Но я сделал себе имя, я построил башню до небес, – вдруг громко сказал Афанасьев. Лицо его стало злым и мокрым. Похоже, его бросило в жар. – И вы тут же примчались, украли печатную машинку, чтобы с высоты моей же башни, от моего же имени объявить Сатану властелином ада, в котором грешники по полнолуниям устраивают оргии, а в будний день просто шикают, купаются в роскоши! И черти им разносят вина и сигары! Я презираю вас! Вы бездарь и мерзавец! Ступайте вон! Убирайтесь к вашему хозяину!..

– Он бредит, – послышался женский голос из-за едва открытой двери. – Мирон Семеныча позовите. Скажите, у Миши снова приступ. Пусть придет срочно, укол поставит.

Вошли две женщины, включился верхний свет. И я ушел.

8

– Зачем? – спросил я у Аглаи. – Ведь я не случайно свалился именно в его квартиру, к его постели. Зачем?

– Ты хотел это знать, я лишь подарила тебе такую возможность, – ответила она спокойно. – Теперь ты знаешь о романе почти все.

Я физически ощутил ту тень, что промелькнула между нами.

– Не все, – сказал я тихо. – Я хочу его прочесть. Полно-

стью. Мои тетради... Они ведь у тебя?

Это была не та улыбка, которой Аглая одаривала меня при наших встречах вечерами. Иные чувства вызвали ее. Блеск ярости в глазах, и мести затаенной тень. Я мог поклясться – это не в мой адрес.

– Бери, – сказала она, и указала на полку, на которой стопой возвышались ученические тетради, исписанные моей рукой.

Лежа на диване в своей комнате, я размышлял:

Кто он – доктор Теодор фон Альтшлянг? Как тонко он играет! Почти не лжет. А то, что автор уничтожил роман, и возродить из пепла не желает. Пустяк, совсем немного при-
вирает. А кто не без греха? Впрочем, знать об этом я вообще не должен был.

А выбор инструмента блефа! Он великолепен!

Как лихо начал – с символизма: отправил опиум на помойку! Bravo, немец! В России нынче модно рушить храмы. Что предлагается взамен? Морфин?! Так вот зачем ему эта чертова книга! Он ярый сатанист!

Нет, я, конечно, грамоте обучен. Но слабоват, как романист, всех тонкостей, пожалуй, и не знаю. В России новой не бывал. На Советы, коим служит Афанасьев, зуб имею. Читать весь бред, что несет в романе автор, принципиально не намерен. И он мне чужд – и автор, и роман – как говорится, классово, ментально. Выходит, что, как безымянный мастер

– я, наверное, идеален.

А Аглая Николаевна? Кто она? Не может быть, чтоб просто машинистка. Она с самого начала все знала. Имеет кровное родство с Альтшлянгом, изотерическими практиками владеет тоже, раз сумела меня в Москву отправить.

В конце концов, я задал и себе вопрос. А согласился бы я на эту работу, зная, что роман поощряет разврат и греховность, что из автора сожженный им же текст насильно вынимают?

Конечно, нет! Я тварь дрожащая или русский офицер?! Катал бы бочки по помосту, мешки бы на плечах носил, перебивался бы с хлеба на воду, что уже не раз бывало. Но честь продать и веру! Извините, это не ко мне.

В историю я вляпался премерзкую. Надо было срочно брать себя в руки и начинать исправлять положение.

Стал изучать роман, и скоро понял, почему Афанасьев не нашел приема, чтоб донести до читателя ту мысль, ради которой все затеял. А она-то как раз оказалась тонка и безупречно нравственна. Она об искушениях, схожих с теми, которыми Сатана в пустыне испытывал Христа.

Увы, но обыватель слаб. Он приучен свои поступки наперед обставлять оправданиями – грешить в благих целях:

слишком часто – пустословий. Потому он рад простому избавлению от тяжести креста, что каждый несет на свою собственную голгофу.

Когда-то Христос собственной смертью искупил грехи всех и каждого. Теперь же проще некуда – падший ангел великодушным жестом снимает всякую ответственность с любого; дескать, ада с кипящей смолой нет вовсе, а есть курорты в духе и по нраву – кабак, бордель и теплый пляж с песочком нежным под ногами. Мол, сами рассудите, коль владеет адом тот самый Сатана, что подбивал грешить, то в чем его корысть «своих» наказывать?

Теперь, чтобы оспорить всю эту ахинею, глубоко копнуть придется. Но далеко не все готовы слушать. А понять – и во все единицы. Им, сирым и убогим, для чего? Явился благодетель, даровал индульгенцию – пусть он и отвечает.

Изменить готовые главы романа я не мог. Аглая их распечатала на украденной у Афанасьева машинке. Наверняка они вечерами ложились на шикарный стол Альтшлянга. Все, об этом тексте и вспоминать не нужно, для правки он утрачен навсегда.

Что делать? Я не находил ответа. Каждый сеанс автоматического письма лишь усложнял задачу. Я напряженно думал, почти не спал и избегал встреч с Аглаей. Время поджимало.

– Ты обижен на меня? – спросила Аглая, когда мы все же пересеклись в бесконечных коридорах дома. Уверен, она нарочно ходила там, где прежде ее встретить было невозможно.

– Прости, но после морфия и полета в Москву, яневажно себя чувствую. Не хочу портить тебе настроение, – впервые соврал я ей. Хотя, в каком-то смысле, и это было полуправдой.

Я проводил ее до комнаты, хотел проститься.

– Зайдем, поговорим, – сказала Аглая, явно не желая меня отпускать.

Я предвкушал бурное выяснение отношений. А это как раз то, что было крайне нежелательным теперь: сбивает с мысли, подавляя все иное, выходит на передний план. Но нет, я ошибался.

– Я ведьма, – снова сообщила Аглая тоном, не терпящим ни шуток, ни возражений. – А ты не мастер.

Я ничего не понял.

– Что это означает? – спросил я осторожно.

– Не играй со мной в идиота, – вдруг жестко сказала она. – Все ты понял! Иначе, сейчас бы нежился в моей постели, а не начесывал затылок до волдырей.

Признаться, я струхнул немного. Ее внезапный напор не находил объяснения.

– Ты не мастер, – повторила она. – Я поняла это, когда

открыла окно и вдруг испугалась высоты. Ведьма, способная летать по ночам на метле, испугалась высоты! Ты понимаешь, что это означает?

– Что ты нормальная здоровая русская баба, – сказал я, пожав плечами.

– Дурак! Тупица! Идиот! – выпалила она в ответ.

Она толкнула меня так, чтобы я рухнул в мягкое кресло. Я несколько не сопротивлялся.

– Сиди и слушай, молча, балбес! – сказала она с явной самодовольной улыбкой. Похоже, что мой глупый ответ отчасти ей польстил.

– Творцы – зануды. Все, – сказала она наставительно, с выражением, обычным для лекций. – И мир их полон. Для беззаботной радости в нем места не осталось. Они скучны безумно, бесконечно! Другое дело – мастер. Он – машина! Лишь рядом с мастером женщина способна стать настоящей ведьмой. Ты понял?

Я кивнул. Однако все сказанное ею воспринимал, как некую прелюдию, игру.

– Но слишком часто бывает так, – продолжила она свою образовательную программу, – что не в меру честолюбивые мастера вдруг вспыхивают отчаянным и безнадежным желанием стать творцами. И быстро сгорают от бесплодных своих усилий: сходят с ума, становятся наркоманами, увлекаются революциями или богоборчеством. Поверь мне – их паранойя куда страшнее, чем слушать ежечасно заушную тяго-

мотину творца.

– Допустим, – согласился я. – Ну, раз уж мастером мне быть отказано, то кто же я в твоей системе координат?

– Юродивый, – хмыкнув, отмахнулась Аглая.

– Это что-то вроде джокера? – спросил я, смеясь.

Она лишь покрутила пальцем у виска.

Закончилось эта нечаянная встреча постелью.

10

Теперь я был почти уверен, что Аглая ведет собственную игру. Похоже, что у нее с этим немцем имелись кое-какие разногласия. Об этом говорило все – начиная с эпатажа в кабинете, заканчивая паранойей богоборчества мастеров. Вне всякого сомнения, и этот, уже не первый, камень полетел в огород Альтшлянга. К тому же именно Аглая устроила так, что в этой игре я оказался на ее стороне. Даже моя собственная позиция сформировалась под ее влиянием.

Несмотря на полноту ощущений, я не исключал вовсе, но ставил под сомнение свое бестелесное посещение Москвы, личное общение с Афанасьевым. Морфий и всякие штучки с гипнозом, которые практиковались в этом доме, наверняка способны и на менее безобидные мистификации.

Наверняка по ее плану, и это становилось все очевиднее,

моя задача сводилась к тому, чтобы придумать и записать в оставшихся тетрадах новую, свою версию финала. Вероятно, именно поэтому я вдруг и перестал быть мастером. Теперь востребован творец.

Одним из персонажей романа был как раз юродивый Матвей. Он бродил по Москве в обносках, бормотал несурезицы о царствии Сатаны и вообще вел себя, как типичный душевно больной человек. Он крестил прохожих, кланялся в ноги комиссарам, кричал «изыди, черт!» вслед клирикам, а ближе к развязке придумал окроплять всех подряд святой водой. Особенно доставалось от душевно больного уполномоченному по ливневым стокам при наркомате водоотведения и канализации – за «оголтелый атеизм». «А этого дустом, дустом!», – кричал при встрече с ним Матвей. Я отметил для себя и не исключал в ближайшем будущем какого-то инцидента с участием этих двух персонажей.

Убить единственного положительного героя романа, дабы лишь попытаться исправить перекошенный общий посыл. Это не самое очевидное решение, но иного выхода просто не оставалось. Чтобы весть о злодеянии быстро и гарантированно облетела всю Москву, а заодно вызвала смятение в умах читателей, убить Матвея собственноручно должен был один из серых безымянных чинов. И чем крупнее чин, тем выше башня, на которую мгновенно вознеслось бы имя невинно

убиенного юродивого.

И все же что-то меня останавливало от включения в эту нехорошую игру. Уж слишком гладко все стелилось. Никто мне не мешал, Аглая играла против немца. Нет, все так красиво не бывает.

Бесспорно, что Афанасьев мне дважды противен. Во-первых, он советский, а во-вторых, вся эта каша заварилась на его топоре: ни расхлебать, ни на пол опрокинуть. И он, увы, не мастер. Он творец, которого обстоятельства вынуждают быть мастером! Он не слепой и не дурак! Не видеть варианта с убийством Матвея он попросту не мог. Тем более что конфликт юродивого с принципиально отрицающим греховность атеистом тщательно подготовлен и развит самим Афанасьевым. Очевидно, что автор вел дело к башне на крови, к сакральной жертве.

По всему выходило, что я намерился написать задуманный самим Афанасьевым финал. А это уже шило с мылом. А ведь у стенографистки, будь она приглашена для записи, и мысли бы не возникло дописать роман. Как просто ларчик был прикрыт...

ло часа. Я вышел из прострации, тряхнул головой, потер глаза и виски. После привычно взглянул на последний абзац и едва сдержался, чтобы не захохотать в полный голос.

– Великолепно! – проговорил я с облегчением.

Я закрыл тетрадь. Читать все, что было записано выше, не имело смысла. Попав в сюжетную ловушку, Афанасьев принял единственно верное решение. Чего ему это стоило – это его проблема. Зато теперь я со спокойной душой и чистой совестью отправился спать.

Выспаться мне не позволила Аглая. Ранним утром, едва только окончательно рассвело, она ворвалась в мою комнату.

– Это ты написал?! – выкрикнула она, потрясая тетрадью.

– Что написал? – еще не вполне понимая спросонья, что происходит, спросил я.

Она нервно пролистала тетрадь до последней исписанной страницы и громко прочла:

«Друзья мои, прошу вас оценить этот незавершенный труд и высказаться по поводу следа, оставленного им в ваших сердцах. Очень надеюсь, что вы, ваши искренние отзывы, честность и справедливость которых испытана годами, ваш личный опыт помогут мне сделать правильные выводы и завершить работу над романом.

*С глубоким уважением и признательностью ко всем вам,
М.Афанасьев».*

– Записал, – уточнил я и накрыл голову подушкой, давая понять, что все еще хочу спать.

– Ты мне врешь! – закричала Аглая. – Ты сам это вписал, чтобы роман остался незавершенным!

В нарочитой ярости я сбросил с головы подушку, сел, отер ладонями лицо.

– Что значит, я вру, Аглая Николаевна?! – жестко сказал я, всем видом демонстрируя, что подобные оскорбительные выпады в мой адрес не позволительны даже ей. – Вы отдаете себе отчет в том, что обвиняете во вранье и подтасовках русского офицера?! Как вообще вам в голову могло прийти, что я нарушу контракт?!

– Юродивый! – выкрикнула Аглая и вышла из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Я хмыкнул, встал с постели и принялся готовиться покинуть этот сумасшедший дом. Сложил в дорожный саквояж сменное белье и бритвенные принадлежности. Засунул в карман френча рецепт приготовления ивового настоя, что дал мне Бэрри, и который оказался дешев, прост и удивительно действенен. Осмотрелся, выискивая взглядом возможно забытую мелочь. Ничего из личных вещей не обнаружив, подошел к окну. Взглянул, поежился. Морозящий дождь обливал унынием мощный брусчаткой двор, фонтан, и кованый забор. Мне не терпелось поскорее уехать отсю-

да подальше. Забраться высоко в горы, где воздух чист, где дремлет вечность в ледяных папахах. *«Гремит обвал, и плещет водопад. Ты там бывал? Туда, туда давай уйдем, отец мой, навсегда!»*.*

12

Бэрри проводил меня до калитки. Я поблагодарил его и пожелал здоровья. После оглянулся. Аглая стояла у окна своей спальни и смотрела на меня взглядом, преисполненным печалью. Шелохнулись и шторы в кабинете Альтшлянга. Он тоже не удержался от того, чтобы проследить за тем, чтобы я убрался. Надо отдать должное выдержке этого человека. Он принял поражение с достоинством, делающим ему честь. Взглянул с меланхоличной улыбкой на последний абзац моей записи, бросил листы на стол, вынул из ящика конверт и протянул мне со словами:

– Контракт исполнен, не смею вас задерживать, мистер Боков.

Мне тогда показалось, что немцу уже доводилось читать это обращение Афанасьева к друзьям.

Бэрри вернулся в дом, а я все еще стоял у калитки, оглядывая окрестности. Особняк располагался на самом отшибе Парк Роуд, потому встретить в таком укромном месте извозчика, я даже не надеялся. Полагаться приходилось только на

собственные ноги. Однако не прошло и полминуты, как со стороны предместья из-за поворота выехал кэб. Поравнявшись со мной, возница осадил свою пегую кобылу.

– Вы кого-то ищите, мистер? – спросил меня кэбмен. – В этом особняке давно никто не живет, – пояснил он.

Я усмехнулся в ответ на это нелепое утверждение. Однако взгляд мой невольно обратился к окну, из которого минуту назад на меня смотрела Аглая Николаевна. Стекло оказалось обгажено птицами и покрыто непроницаемым слоем пыли.

– Очень мило! – удивленно шепнул я, и вынул из кармана конверт с гонораром. Вместо денег я нашел в нем лишь лотерейный билет. – И со вкусом, – добавил я с досадой.

– Простите, мистер, я не расслышал, – сказал кэбмен. – Вас подвезти?

– Боюсь, у меня не осталось и пенса, чтобы заплатить вам, любезный, – разведя руками, ответил я.

– Садитесь, я бесплатно доведу вас до людного места, – сказал он. – С тех пор, как бывший хозяин этого особняка встретил прекрасную незнакомку и потерял голову, у дома сложилась слишком дурная репутация, чтобы оставлять здесь случайно заплутавшего человека. Бедолагу так и похоронили без головы, – сказал кэбмен, и захохотал.

Так вот, что означает – «связаны кровью», – подумал я, сразу припомнив слова Альтшлянга.

Уже садясь в кэб, я вдруг осознал, почему мне никогда не нравился гражданский черный юмор. Он малодушен, а это

ВЫЗЫВАЕТ ЖАЛОСТЬ.

* Гёте.